

МОСКВА ПРОТЕСТУЕТ

В Москве, в проезде Девичьего поля, высится красивое многоэтажное здание. В нем сейчас размещается Военная академия имени Фрунзе. Нам, старым большевикам, хорошо помнятся те далекие дни, когда на этом месте стоял отгороженный от улицы развесистыми деревьями небольшой домик — скромная студенческая столовая. В предоктябрьские месяцы тут находился районный комитет РСДРП (б), клуб, исполком района. Здесь мы готовились к решающей схватке с контрреволюцией.

В первых числах августа 1917 года в этом здании собрались большевики Хамовнического района, чтобы выслушать сообщения о работе VI съезда партии. Делегатами на съезд от нашей организации были посланы двое — Н. С. Ангарский и я.

Верховный орган партии, рассказывали докладчики, дал ясные, конкретные указания о дальнейшей работе. Смысл их можно коротко передать словами манифеста, выпущенного съездом¹: «Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

Районное собрание большевиков единодушно, с большим подъемом одобрило резолюции и постановления VI съезда, отметив, что мирное развитие революции уже невозможно, так как вся полнота власти перешла в руки контрреволюционной буржуазии. Настала пора готовить вооруженное восстание.

Еще в июльские дни можно было воочию убедиться в том, что ни о каком общем единении «демократических сил» не может быть и речи. Июльская демонстрация показала, что классовая борьба все больше обостряется и, если трудящиеся хотят победить, они должны взять власть в свои руки. Дальнейшие события, развернувшиеся в августе, подтвердили, что тактика, выработанная партией на VI съезде, — единственно правильная.

Контрреволюция готовилась к разгрому Советов. Буржуазия прочила в военные диктаторы свежеспеченного главнокомандующего русской армией генерала Корнилова.

¹ Манифест был выпущен ЦК партии от имени съезда. *Ред.*

Вскоре после окончания VI съезда мы узнали, что в Москве Временным правительством созывается Государственное совещание. Его цель — сплочение сил буржуазии и помещиков против социалистической революции. Меншевики и эсеры стремились всемерно поддержать авантюру буржуазии.

Большевистская партия развернула широкую кампанию протеста против Государственного совещания. Разгорелась жестокая борьба.

Помню такой случай. На оборонном заводе Второва, где работало около 5 тысяч человек, меньшевики провели собрание, на котором, не знаю по какой причине, никто из наших товарищей не был. Соглашателям удалось сагитировать рабочих, и собрание приняло резолюцию, приветствовавшую созыв Государственного совещания. Тогда несколько большевиков во главе с Ангарским поехали исправлять положение.

Рабочие собрались в тенистом саду при клубе у Калужской заставы. Выступления наших ораторов слушали молча. Но вот на трибуну поднялась работница завода Охупкина. Она не была еще в то время членом большевистской партии, однако классовое чутье пролетария подсказало ей, кто прав, и помогло найти нужные слова. Искренние мысли рабочего человека о тяжелой доле трудящихся, об антинародной политике Временного правительства, о том, как одна за другой рушились надежды на лучшую жизнь после Февральской революции, взбудоражили, всколыхнули собравшихся. Их симпатии были на стороне выступавшей.

Неприязненно встретили рабочие речь студента-эсера, взобравшегося на трибуну вслед за работницей. Округлые книжные фразы, которыми он пытался убедить собрание, частое заглядывание в конспект, неестественная жестикуляция — все это было таким чуждым, далеким, неприемлемым, особенно после выступления Охупкиной. За гулом голосов уже было невозможно разобрать, что говорила потом какая-то барышня-меньшевичка.

Когда Ангарский предложил на голосование короткую, четкую резолюцию большевиков, толпа обросла лесом мозолистых рук.

Так к протесту против Государственного совещания присоединился и завод Второва.

Настроение масс было таково, что на пленуме районного Совета, несмотря на засилье меньшевиков и эсеров, прошло предложение большевиков о забастовке 12 августа, как раз в день открытия Государственного совещания. В нашем районе, где сосредоточились такие предприятия, как завод «Каучук», Уваровский (ныне Артамоновский) трамвайный парк, дело обстояло сравнительно просто. В других районах было значительно труднее, так как меньшевики и эсеры еще пользовались там сильным влиянием и стремились не допустить забастовку. К тому же и Московский Совет — правда, незначительным большинством голосов — высказался против стачки.

В то время я был вагоновожатым Уваровского трамвайного парка. Мне довелось участвовать в первой русской революции, работать в подполье. В 1917 году меня избрали в правление профсоюза городских рабочих и служащих.

Наступил день открытия Государственного совещания. Еще накануне мы узнали, что в забастовке будут участвовать все трамвайные парки Москвы. Естественно, что прекращение работы городского транспорта имело важное значение. Это событие было невозможно замолчать, скрыть от населения. Таким образом, о протесте рабочих должны были узнать все москвичи.

Раннее утро. Близится время, когда вагоны из парка должны выйти на линию. Эсеры (их у нас было порядочно, около сотни человек) собрались отдельной кучкой. По всему заметно, что они что-то затевают. Мы с тревогой наблюдали за их поведением: неужели сорвут забастовку? А тут, как на грех, в этот день дежурным по подвижному составу, отвечающим за своевременный выход вагонов, был мастер Лукин. Плохого мы, правда, про него ничего сказать не могли, рабочих он не обижал, но человек был мрачный, замкнутый.

Вот мастер вышел на территорию парка... Сейчас подаст команду к выезду вагонов... Подхожу к нему, вежливо, но твердо объясняю обстановку, говорю, что сегодня рабочие всех заводов должны бастовать. Вожатые, кондуктора, ремонтники придвинулись к нам, ждут, что произойдет дальше. Лукин нахмурил брови, на минуту задумался. Потом, ни на кого не глядя, буркнул:

— Что ж, если рабочий класс решил... Ладно, выезжать на линию сегодня не будем.— И быстро ушел в контору.

После этого и эсерам ничего не оставалось делать, как разойтись в разные стороны. Ни один вагон из нашего парка не вышел.

Убедившись в том, что у нас все в порядке, я направился в правление профсоюза. Там стало известно, что Миусский парк срывает забастовку. Большевик Телешов, работник нашего парка, дежуривший в тот день по правлению, схватился было за телефонную трубку, но куда звонить? Ведь трамваи миусовцев уже выехали в город. Тут ему в голову пришла блестящая мысль. Телешов соединился с электростанцией, спросил, что там делается. Ему ответили, что все идет толково, рабочие бастуют, на станции остался только дежурный, следит за сохранностью имущества.

— Немедленно выключить ток! — грозно приказал Телешов.

— Ты что, с ума сошел? — слышалось в телефонной трубке.

— Нет, я-то в своем уме, а вот кое-кто из Миусского трамвайного парка оказались недотепами, работу не прекратили, штрейкбрехерами хотят быть.

— Ах, вот оно что! — И дежурный выключил рубильник.

В ту же минуту в миусском районе все трамваи остановились. В глупое положение попали вагоновожатые. Они не решились бросить вагоны посреди города, в то же время не могли ехать даль-

ше. Так и пришлось им под насмешливые возгласы прохожих простоять целый день около своих вагонов.

12 августа в Москве по призыву большевиков бастовало свыше 400 тысяч рабочих. На следующий день мы с гордостью читали в газете «Пролетарий»: «Пусть узнает вся Россия, что есть еще на свете люди, готовые грудью отстаивать дело революции. Москва бастует. Да здравствует Москва!»

Контрреволюция крепко надеялась на своего «спасителя». Когда Корнилов приехал в Москву, его, как высокопоставленную особу, встречал почетный караул, толпы экзальтированных дам и господ с криками «ура!» бросали перед ним цветы. Миллионерша Морозова упала перед генералом на колени. Офицеры подхватили Корнилова и на руках отнесли в автомобиль.

Большой театр, в котором проходило Государственное совещание, был оцеплен отрядами юнкеров. В Москву вызвали казачьи части.

Состав совещания был заранее подтасован, что и определило его контрреволюционный характер. Сюда были приглашены депутаты Государственной думы, представители торгово-промышленных организаций и банков, помещиков, духовенства, генералитета, офицерства. Советы были представлены меньшевиками и эсерами. Соглашатели побоялись, что присутствие большевиков нарушит единение «живых сил страны». Лишь в число делегатов профсоюзных организаций вошла небольшая группа большевиков, в том числе и кое-кто из наших московских товарищей. Благодаря им мы были прекрасно информированы о том, что происходило тогда в здании Большого театра.

Министры Некрасов и Прокопович заверили Государственное совещание, что Временное правительство ни в коем случае не допустит рабочего контроля над предприятиями и аграрных реформ. Они прямо заявили, что «на конфискацию частной собственности правительство не пойдет». Меньшевики окончательно предали интересы рабочего класса. Их лидер Церетели с благоговением пожимал жирную руку капиталиста Бубликова. Этот жест единения буржуазии с социал-предателями был встречен собравшимися контрреволюционерами бурными аплодисментами. Премьер-министр эсер Керенский истошно вопил, что он «железом и кровью» подавит все попытки сопротивления буржуазному правительству, не допустит развития революционного движения, захвата крестьянами помещичьих земель.

Генерал Корнилов, угрожая сдачей Риги и Петрограда немцам, требовал восстановления железной дисциплины в армии и в тылу, он предлагал ввести смертную казнь не только на фронте, но и на всей территории России, военизировать железные дороги, фабрики, заводы. Он требовал полного невмешательства в его распоряжения, другими словами — введения военной диктатуры.

Атаман казачьих войск Каледин выступил с категорическим предложением поставить армию вне политики, разогнать Советы.

План передачи власти военному диктатору — генералу Корнилову был выработан буржуазией еще до Государственного совещания, контрреволюция хотела в «спокойной» обстановке Москвы, вдали от революционного Петрограда совершить свое черное дело. Но пролетариат Москвы массовой забастовкой протеста 12 августа показал, на чьей он стороне. Этот грозный ответ трудящихся помешал капиталистам и помещикам осуществить свои замыслы.

Государственное совещание прошло вхолостую. Больше того, оно открыло глаза многим колеблющимся пролетариям. Вот несколько цифр, которые наглядно показывают прояснение классового сознания масс. В августе в нашем Хамовническом районе Москвы в партию большевиков вступило 66 новых членов, а в сентябре число их достигло 186 человек. На выборах в районные думы в одиннадцати из семнадцати дум большинство голосов получили большевики.

Так ответил трудовой народ на августовские происки контрреволюции.

Летопись Великого Октября. Апрель — октябрь 1917. М., 1958, с. 160—165